

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Т. А. Богумил¹

Алтайский государственный педагогический университет

МИФОГЕОГРАФИЯ В. М. ШУКШИНА: АЛТАЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЯ²

В статье рассмотрены «геосинонимы» Алтая в художественном мире В.М. Шукшина. Сибирь (Алтай), Крым, Финляндия и Кавказ, в разное время присоединенные к России, обнаруживают сходную семантику, вытекающую из мифологического понимания «чужого» пространства.

Ключевые слова: мифогеография, В.М. Шукшин, Сибирь, Алтай, Крым, Финляндия, Кавказ.

T. A. Bogumil

Altai State Pedagogical University

V. M. SHUKSHIN'S MYTHOGEOGRAPHY: ALTAI AND ITS REFLECTIONS

The paper describes "geosynonyms" of Altai in V. M. Shukshin's creative world. Siberia (Altai), the Crimea, the Caucasus and Finland, attached to Russia at various times, have similar semantics arising from the mythological understanding of "exterior" space.

Keywords: geo-poetics, mythogeography, V. M. Shukshin, Siberia, Altai, the Crimea, Finland, the Caucasus.

Главное географическое пространство в жизни и творчестве В.М. Шукшина – его родина. В качестве сакрального центра авторской мифогеографии Алтай вступает в некие отношения притяжения-отталкивания с другими регионами. Карта наших дальнейших

---

¹ Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

² Исследование выполнено в рамках проекта №16-14-22001 РГНФ «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геоэтики В.М. Шукшина»

размышлений намечена репликой героя романа «Любавины», замыкающей описание закатного алтайского пейзажа: «Везде был: на Кавказе, в Крыму, в Финляндии – видел красоту. Но такой вот не видел нигде» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 315]¹. Все перечисленные локусы восхищают взгляд, являются контекстуальными «геосинонимами».

В то же время отмечены их коннотативные различия, поскольку Алтай максимально прекрасен. Перечень регионов, вовлекаемых в сопоставительный ряд, не случаен. Инвариантна историческая функция упомянутых территорий, которые «играют ключевые роли в процессе национально-государственного самоопределения России: конкретизации ее геополитических ролей, формировании культурной ориентации...» [Анисимов, 2007, с. 60-61]. Все эти регионы в разное время были присоединены к России, что мифопоэтически осмыслялось как контакт между «своим» и «чужим» и стимулировало появление «текстов» о «пограничном» пространстве.

«Двойничество» Алтая и Крыма существует внутри оппозиции «Крым – Сибирь». В массовом сознании и культурной традиции преобладает ассоциация Крыма с раем, а Сибири с адом, обусловленная природно-климатическими особенностями регионов (тепло – холод). В шукшинском пространстве Алтай, будучи частью Сибири, тем не менее, оказывается благодатным, исцеляющим, «райским» локусом. Одновременно Крым наделяется признаками inferнального пространства, профанного рая. Амбивалентность характеристик обоих полюсов оппозиции приводит к ее нейтрализации². Геопэтика Крыма и Сибири (Алтая) имеет ряд пересечений мифологического, исторического, культурного, мифопоэтического характера³.

«Кавказский» и «финский текст» в творчестве В.М. Шукшина гораздо менее оформлены. В рассказе «Вечно недовольный Яковлев» к «кавказскому тексту» отсылает название папирос – «Казбек».

---

¹ Далее цитируется по этому изданию. В круглых скобках после цитаты указывается номер тома и страницы.

² См. подробнее: [Богумил, 2016; Куляпин, 2016].

³ См. об этом: [Худенко, 2016].

Комментатор В.В. Десятов отмечает, что настойчивое упоминание «казбечин» (5 раз на 5 страницах) сигнализирует о подключении к лермонтовской традиции, в частности, к кавказскому хронотопу романа «Герой нашего времени» и поэмы «Демон» (7, с. 285). По мнению исследователя, рисуя психологически достоверный характер, Шукшин одновременно пародирует романтического демонического героя (7, с. 284). Показательно, что Яковлев прибегает к географически окрашенному сравнению презираемых людей с баранами: «И он упорно стоял, ненавидел всех... и видом своим показывал, как ему несколько смешно и дико видеть, что они собрались тут, как бараны, и ждут, когда придет самодетельность» (7, с. 61).

Географический образ Кавказа в русской литературе тесно связан с мотивами пленения и побега. В произведениях В.М. Шукшина, как минимум, дважды упомянут «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого: в «Точке зрения» (3, с. 275) и «Психопате» (7, с. 58). Оба раза – в контексте рассуждений о художественной и нравственной «высоте» повести. В рабочих записях писателя сохранилось примечательное мнение: «Патриарх литературы русской – Лев Толстой. Это – Казбек, или что там? – самое высокое. В общем, отец» (9, с. 323). Казалось бы, реальный, а не литературный, Кавказ возникает в рассказе «Хахаль». Герой вспоминает письмо служащего на Кавказе «брательника», о том, как колхозные свиньи сбежали с дикими кабанами. Через трое суток половина вернулась, а половина осталась, но «которые вернулись, такой приплод принесли, что колхоз даже обрадовался» (5, с. 23). В сущности, эта байка является комичным вариантом сюжета, воплощенного в многочисленных «Кавказских пленниках». Культура, плененная иной культурой (экзотической, «дикой», «естественной», «некультурой»), пребывает в состоянии «смерти» и возвращается/возрождается в качественно ином состоянии – «с приплодом». Архетипическая логика взаимодействия «своего» и «чужого» просвечивает в шукшинском понимании геополитических отношений России и Кавказа. Подобного рода инициационная схема лежит в основе «сибирского текста» [Лотман, 1997; Тюпа, 2002].

Финляндия наименее представлена в мире Шукшина как географический ландшафт. Несмотря на то, что писатель неоднократно бывал за рубежом, его персонажи практически всегда

живут и путешествуют в пределах СССР. Немногочисленные исключения представлены опытом войны и/или плена [Скубач, 2016, с. 141-143]. В рассказе «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту» единственно важным, что вспоминает Лобастый о финской военной компании оказывается мороз и прожженная угольком от печки новая шинель. «Убивали же там!» – восклицает собеседник. «Убивали. На то война», – отвечает Лобастый (7, с. 27). Тем самым Финляндия сопоставима с Сибирью (и Алтаем) своими природно-климатическими характеристиками и мотивом смерти.

В художественном мире В.М. Шукшина обитают «чухонцы» (7, с. 62; 5, с. 116), но не эстонцы и финны, населявшие окрестности Петербурга, как можно было бы подумать. В сибирских диалектах так называли непонятливых, глупых людей (5, с. 373). «Чухонец», полагаем, здесь синоним «чудика», специфически шукшинского характера, соединяющего в себе семантику «чуда» и «чудовища» [Панкин, 1983, с. 172].

Малодоступная советскому человеку заграница являет себя через вещи, связанные с преступлением. Уголовный мотив вводится в неоконченный «Сокровенный рассказ» цитатой из стихотворения С. Есенина «Письмо матери»: «...будто кто-то мне в кабацкой шумной драке саданул под сердце финский нож» (9, с. 56). Песня на основе стихотворения звучит в кинофильме «Калина красная» (1973), герой которого, Егор Прокудин, типологически близок «чухонцу» Спирьке Расторгуеву («Сураз»). Комическая параллель уголовному сюжету задается географически отмеченной парой: предметом материального быта (финский мебельный гарнитур «россарю», вожделенный советским человеком) и явлением массовой культуры (коллективный финский танец «Летка-енка», популярный в СССР в 1960-70-е гг.). Эти приметы Финляндии атрибутируют ситуацию материального благополучия и социальной успешности (достижения «рая») в сходных текстах об экономических преступлениях: «Петя» (5, с. 145), «Владимир Семеныч из мягкой секции» (6, с. 146, с. 154, с. 155), «Энергичные люди» (7, с. 147, с. 161). Таким образом, существенным признаком «финского текста» оказывается мотив переступания/преступления. Мороз, преступление и смерть входят в зону пересечения системы мотивов Финляндии и Сибири.

Итак, Сибирь (Алтай), Кавказ, Крым, Финляндия в мире В. М. Шукшина выступают как своеобразные «двойники». В зависимости от того, какие мотивы актуализируются, отношения между данными локусами могут быть описаны при помощи уже сложившейся классификации в терминах «близнецы», «антагонисты» и «карнавальная пара» [Агранович, 2001].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агранович, С. З. Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 132 с.

Анисимов, К. В. Парадигматика и синтагматика «сибирского текста» русской литературы (Постановка проблемы) / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре. Вып. 2. – Томск: ТГУ, 2007. – С. 60-76.

Богумил, Т. А. Оппозиция «Крым – Сибирь» в творчестве В.М. Шукшина / Т. А. Богумил // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 333-334.

Куляпин, А. И. Эдем в преисподней: Крым в художественной географии В.М. Шукшина / А. И. Куляпин // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 344-346.

Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб., 1997. – С. 724-725.

Панкин, Б. Д. Страсть к настоящему: литературно-критические статьи и очерки / Б. Д. Панкин. – Москва: Детская литература, 1983. – 382 с.

Скубач, О. А. Советская культурная география середины XX века в прозе В. М. Шукшина / О. А. Скубач // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2016. – С. 141-150.

Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – №1. – С. 27-35.

Худенко, Е. А. Алтай и Крым: геопозитические перекрестки / Е. А. Худенко // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 350-352.

Культура и текст №1, 2017 (28)

<http://www.ct.uni-altai.ru/>

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / В. М. Шукшин.
– Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.